

УДК 947. 084. 2
ББК 63. 3(2) 612

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

Казанчиев А. Д.*

Статья посвящена Гражданской войне в России как явлению многоплановому, которое не сводится к военно-политическому противостоянию. Обращается внимание на внешнеполитические факторы, распад государственности, коллапс экономики и специфичности менталитета населения в условиях кризиса всех сфер общественной жизни. Анализируется механизм их влияния на военно-политическую составляющую войны, на ее ход и итоги в целом.

Гражданская война в России, вне всяких сомнений, является не только одной из самых масштабных трагедий в истории человечества, но и событием во многом беспрецедентным, непохожим на другие гражданские войны. Гражданская война в ее классическом виде представляет собой внутрисоциальное столкновение двух, как правило, группировок. В основе российской войны также лежал конфликт за верховную власть между двумя лагерями, каждый из которых обладал собственными властными структурами, военной силой и идеологией. Однако, вышесказанным содержанием событий того времени далеко не исчерпывается. Ход войны и ее итоги нельзя анализировать без сопутствующих явлений, а именно, мировой войны, политической нестабильности в Европе, вмешательства внешних сил, наличия, кроме основных участников противостояния и иных “действующих лиц”, распада государственности, произвола военных, коллапса экономики, голода, кризиса морали и нравственности, непостоянства политических симпатий населения и ряда других факторов. Мы не ставим себе целью обстоятельное освещение всех вышеназванных, а также иных немаловажных аспектов проблемы (национального, крестьянского движений и др.) Нашей целью является, прежде всего, обоснование важности периферийных по отношению к основному конфликту факторов.

За последние годы в отечественной историографии появилось значительное количество работ, в которых рассматриваются самые разнообразные аспекты Гражданской войны, в том числе и те, которые ранее практически не изучались. В частности, предприняты попытки нетенденциозного освещения национальных движений [1], экономического уклада периода Гражданской войны [2]. Монографии И.В. Нарского [3] и В.П. Булдакова [4] посвящены соответственно повседневной жизни населения Урала и “революционному насилию” или “красной Смуте”.

Действительно, по всем параметрам драматические события XX века ближе к Смуте XVII века, чем к классической гражданской войне. И в том, и в другом случае имел место глубочайший кризис всех сфер общественной жизни. Тем не менее, между двумя Смутами имеется и немало принципиальных различий.

Прежде всего, заметим, что последняя Смута произошла в обществе, находящемся на более высокой ступени развития, т. е. с более сложной техноло-

гией, более развитой экономикой, политической системой и т. д. Крах более развитого общества не мог стать и более масштабной катастрофой. Кроме того, более сложная общественная система должна была распасться более сложным образом.

В частности, это проявлялось в большем количестве противостоящих группировок, в более сложной и запутанной расстановке сил.

Общепринятая концепция расстановки сил в Гражданской войне отсутствует до сих пор, несмотря на то, что многие современные исследователи пытаются разрешить эту проблему непредвзято. Так, В.А. Лапандин относит к либеральному направлению кадетов и октябристов, к народно-демократическому – эсеров, меньшевиков и энесов, а к леворадикально-большевиков [5]. В принципе, данная классификация особых возражений не вызывает, однако она не вполне применима к реалиям Гражданской войны. Кадеты, энесы и часть меньшевиков (группа “Единство”) входили в т. н. Омский национальный блок, поддерживавший Правительство Колчака, а ряд эсеровских группировок (группа “Народ” и Партия революционного коммунизма) выступали единым фронтом с большевиками в борьбе не только с белыми диктатурами, но и с крестьянскими восстаниями.

Примечательно, что истоки подобных неясностей лежат непосредственно в исследуемом периоде. Так, часть эсеров, относившаяся в равной степени негативно и к большевистской, и к белым диктатурам, называла их соответственно “левым” и “правым” большевизмом и отождествляла проколчакские силы с монархистами и черносотенцами [6]. В то же время, как сам Колчак, так и его сторонники, употребляя те же термины, не отождествляли себя с “реставраторами” [7]. Итак, с проблемой “кто есть кто” в российской Гражданской войне не все просто.

Осложняет разрешение этой проблемы и переход политических группировок из одного лагеря в другой. Достаточно упомянуть хотя бы соглашения о примирении между большевиками и эсеровскими лидерами, а также Башкирским правительством в начале 1919 г.

Можно говорить о фактическом распаде не большевистских партий. Так, часть эсеров и меньшевиков поддерживала Колчака, часть большевиков, а часть пыталась играть роль “третьей силы”. Колчаковский генерал и историк Н. Н. Головин объясняет

*Казанчиев Александр Дмитриевич – к.и.н., научный сотрудник ИИЯЛ УНЦ РАН

отсутствие единства внутри антибольшевистского лагеря не столько “неискренностью” сторон, сколько “отсутствием реального единства самих партий”. Причём, последнее не ограничивалось расхождением взглядов, “оно проявлялось и в нежелании подчиняться принятым решениям”. Поэтому соглашения, заключённые одними партийными лидерами, не признавались другими. В качестве глубинной причины вышесказанного Головин объясняет этот разброд “всё углубляющимся революционным процессом” в пламени которого разлагалась не только государственность, но и политические партии [8].

Одним из наиболее ярких проявлений развала партий является оценка ими итогов Уфимского государственного совещания. Лидер омских кадетов В. Жардецкий на заседании городских комитетов этой партии в Омске 29 октября 1918 г. заявил: “Наши делегаты в Уфе- предатели и изменники. Они дали Ди-ректорию абсолютно неприемлемую” [9]. В циркулярном письме ЦК ПСР ко всем партийным организациям от 22 октября 1918 г. негативные с его точки зрения результаты совещания объяснялись “общей ослабленностью позиций партийной эсеровской фракции, страдающей от недостатка единства и дисциплины” [10].

Антибольшевистские силы были раздроблены во властном отношении. Так, только на территории Урало-Поволжья летом-осенью 1918 г. функционировали 11 антибольшевистских правительств. Правительства различались в плане политической ориентации, принципа образования (областному или национальному), значимости (сугубо местной или со все-российскими претензиями). Несмотря на необходимость объединения против общего врага- большевиков, между правительствами существовали серьезные разногласия по ряду вопросов (выдвигались взаимные претензии идеологического характера, велись территориальные споры и борьба за статус всероссийского правительства).

Мозаика политических сил периода Гражданской войны включает в себя не только организованные группировки (правительства, партии, политические организации). Немаловажным фактором были межнациональные столкновения, бунтарские выступления и, прежде всего, крестьянские восстания. Иногда эта стихия иногда действовала самостоятельно, иногда примыкала к одному из основных лагерей, довольно часто меняя свою позицию.

Развал государственности затронул и органы местного самоуправления. П. В. Вологодский в период занятия им должности Предсовмина при Уфимской Директории в одном из интервью заявил, что одной из причин тяжелого положения деревни является “полная анархия в области управления”: “В большинстве случаев деревня управляется разнообразными самочинными организациями. В одних деревнях существуют общественные комитеты, в других они называются сельскими комитетами порядка, третьи деревни управляются особыми выборными органами - коллегиально или единолично. В этой области Правительство должно позаботиться прежде всего об организации волостных земств, которые почти не существуют на всем пространстве Сибири” [11].

Свою роль в усилении “смутности” сыграли и внешние факторы.

Во время первой Смуты одна из сторон внутрироссийского конфликта являлась проводником политики сил внешних, а другая сторона стремилась восстановить независимость российской государственности. Если говорить о Смуте XX века, то здесь подобная ясность отсутствует. В большевистской интерпретации их противники являлись “наймитами мирового империализма”. В свою очередь, другая сторона обвиняла большевиков в предательстве интересов России, называя их даже “германо-большевиками”, а их режим- “большевистско-мирбаховским комиссародержавием” [12]. После поражения Германии антибольшевистские группировки стали акцентировать внимание на “интернациональном” характере большевизма. У этой концепции есть и современные последователи, например М. Бернштам, называющий одну из сторон войны “интернационал-социализмом” [13].

Мы не стали бы сводить эти взаимные обвинения исключительно, выражаясь современным языком, к пиару. Ситуация была сложна, запутанна и противоречива объективно. Гражданская война началась в разгар мировой войны, первого столь масштабного в истории человечества межгосударственного конфликта. Внешнеполитическая деятельность в тот период носила крайне агрессивный характер. По-этому представляется вполне закономерным то, что противоборствующие державы пытались реализовать свои захватнические цели и в ослабленной России. Тем более, что одни считали ее проигравшей стороной, а другие- “предательницей”. Различные иностранные державы, пытаясь провести свою линию, опирались на те или иные внутрироссийские силы.

Кроме того, несмотря на неудачу с “мировой революцией”, в Европе имело место серьезное обострение социально-политической ситуации, а в ряде стран произошли революции и гражданские войны. Близкие политически международные и внутрироссийские силы взаимно поддерживали друг друга.

Заметим, что под “силами” мы понимаем не только государства. В России на стороне большевиков сражались коммунисты из стран Европы, военнопленные, латышские, эстонские части и т. д. Чехословацкий корпус поддержал антибольшевистский лагерь и, прежде всего, его левый фланг. В свою очередь, большевики также пытались осуществить “экспорт революции” в Европе и в Азии, опираясь на сочувствующие им группировки. Следовательно, взгляд на внутрироссийский конфликт как на часть если не мировой, то по крайней мере общеевропейской гражданской войны, вполне допустим. На кадетской конференции в Омске в мае 1919 г. один из лидеров этой партии А.К. Клафтон заявил: “... Мы не только боремся за возрождение российской государственности, мы стали передовым отрядом борьбы, общечеловеческой борьбы за спасение цивилизации, за спасение прав человека, борьбы за начала демократии” [14].

Примечательно, что и многие иностранцы, втянутые в российский конфликт, рассматривали его аналогичным образом. В докладной записке русского отделения Чехословацкого национального совета говорилось о том, что “силы большевиков постоянно увеличиваются преимущественно при помощи военнопленных мадьяр, немцев и офицеров австрийской и германской военной службы” [15].

Очень часто в качестве единственной реальной опоры советской власти назывались латышские стрелки. Эту точку зрения разделял даже редактор одного из латышских журналов. В открытом письме командующему Поволжской группой войск М. Чечу он называл бои того периода “чехо-латышской войной” [16].

Итак, вмешательство во внутрироссийские дела множества иностранных держав и политических группировок, подчас противоборствующих друг с другом, поддержка различными внешними силами различных внутрироссийских группировок, также противоборствующих друг с другом, не могло не усиливать степень “смутности” в России. Самым же главным моментом в проблеме внешнего фактора мы бы назвали совпадение во времени между российской и европейской Смутами, которые оказывали друг на друга взаимное влияние.

Едва ли следует удивляться тому, что при развале государственных и общественных институтов, коллапсе экономики, терроре, как стихийном, так организованном население полностью потеряло ориентиры, и политические, и нравственные. Ряд со-временных историков обращает внимание на то, что “в период острых социальных катаклизмов из тайников человеческой природы устремляются наружу сугубо материальные, низменные узкоэгоистические импульсы” [17]. И все же, в ходе первой Смуты населению удалось сплотиться вокруг идеи возрождения независимой российской государственности. В ходе последней этого не произошло.

Мы уже отмечали большую “смутность” трагедии XX века по сравнению с XVII по ряду параметров. Если вести речь о поведении населения, то и здесь наблюдается аналогичная картина: степень его дезориентированности была выше. Для населения, живущего через несколько столетий после опричнины, возвращение к дикости было еще большим шокom, чем для жителей XVII века, более привычным к подобным ужасам.

Данная точка зрения может вызвать возражения в плане того, что и в XX веке большинство населения сплотилось вокруг “государственной” идеи, пусть и коммунистической. При таком подходе в качестве мотивов поддержки коммунистической идеи указывают как раз на ее “государственность”, или на “историческую правоту”, выражение ею “народных чаяний”, “общинную психологию крестьянства”, или на незрелость граждан, поверивших популистским обещаниям большевиков.

Мы не разделяем точки зрения о поддержке большевиков основной массой населения по какой бы то ни было причине. Как бы ни было незрело российское общество того времени, как бы ни были сильны среди крестьянства общинные настроения, какими бы талантливыми популистами или “государственниками” ни были большевики, основная масса населения не могла приветствовать мобилизации, военные и трудовые, произвол продотрядов, другие реалии военного коммунизма и катастрофическое ухудшение условий жизни в целом. Всё это не просто теоретические выкладки. Имеются надёжные источники, такие, например, как сводки ЧК, которые имели целью показать партийным и советским органам действительное положение вещей. Так, согласно сводкам Уфимской губернской ЧК практически все

слои населения, включая рабочих и даже совслужащих, были настроены к властям в лучшем случае равнодушно, в худшем-враждебно, в основном, по экономическим причинам [18].

Нас не следует понимать в том смысле, что симпатии населения находились на стороне противников большевиков. Имеется множество убедительных документальных свидетельств, показывающих столь же негативное отношение населения и к антибольшевистским силам. Суть проблемы в том, что едва ли корректно говорить о наличии у какой-либо из сторон гражданской войны устойчивой социальной базы: слишком нестабильной была обстановка (военная, политическая, экономическая, социальная).

Это было совершенно особое катастрофическое состояние всех сфер общественной жизни, которое нельзя анализировать в соответствии с традиционными критериями. Так, более или менее жизнеспособными в тех экстремальных условиях были только авторитарные властные структуры, а следовательно приверженность той или иной партии идее диктатуры еще не свидетельствует о ее недемократичности. В условиях развала государственности, как справедливо заметил политолог А. Г. Сытин, диктатуры не являлись фактически диктатурами и вообще политическими режимами в строго научном смысле этого слова [19]. Говоря о репрессиях тех или иных властей, следует помнить о том, что гражданская война по самой своей сути предполагает силовое разрешение политических разногласий. “Правда” в июле 1919 года писала: “Говорят, что в Сибири восстановилась романовская монархия, - это неверно: колчаковщина в миллион раз хуже романовской монархии. Колчак - это буйный, дикий, сумасшедший разгул военщины, атаманщины, диктатуры кнута и нагайки” [20]. В данном случае критика “колчаковщины” вполне справедлива. Однако, справедливо и то, что практически любая власть периода Гражданской войны в плане размаха произвола “военщины” была “в миллион раз хуже романовской монархии”. Заметим также, что разгул “военщины” при Колчаке не означал наличия сильной военной власти или военной диктатуры. Такого быть не могло в принципе, ибо процесс разложения армии, начавшийся после февраля 1917 г, продолжался. Речь скорее следует вести, о засильи не армии, как целостной структуры, а о произволе “полевых командиров” на местах. Что касается населения, то оно в условиях хаоса не могло объективно сопоставить программные положения противоборствующих сторон.

Если говорить об экономической политике противоборствующих сторон, то, безусловно, у антибольшевистских сил она носила умеренный характер. Однако, никакие экономические программы, хотя бы и самые продуманные, не могли быть реализованы в хаосе гражданской войны. Так, торговля в период гражданской войны кардинальным образом отличалась от торговли в мирное время, будь то в дореволюционной или Советской России. обстоятельный анализ этого вопроса прозвучал на собрании уполномоченных Уфимского губернского союза кооперативных союзов, состоявшегося в сентябре 1918 г. Собрание констатировало тот факт, что из-за развала банковской системы, вызванной финансовыми мероприятиями большевиков, предприятиям и органи-

зациям вне зависимости от формы собственности приходится содержать специальный штат лиц для перемещения денежных знаков. Свою негативную роль сыграли развал на транспорте и производ в реквизициях. Поэтому продавцы не отвечают за доставку товара покупателям. Последние вынуждены направлять проводников для провоза от станции получения до станции назначения купленного товара [21]. В аналитической статье, опубликованной в одной из колчаковских газет, утверждалось, что эти же причины привели к расцвету спекулятивной торговли. Вложения частного капитала в условиях разрухи не могут носить долгосрочный характер. Поэтому капитал «очень свободный» и «легко переводится из одной области в другую». Покупатель товара «случаен и непостоянен». В таких условиях неизбежен «спекулятивный процент» [22]. Нельзя сказать, что власти не пытались как-то исправить положение. Начальник Самаро-Уфимского края колчаковский генерал Вишневыский в конце марта 1919 г. издал указ о запрещении реквизиции лошадей у крестьян, приехавших в город «на базар с продуктами» [23]. Тем не менее имеется множество документов самих антибольшевистских властных органов, которые говорят о чудовищном размахе реквизиционного произвола. Трудно представить себе пострадавшего и от белых, и от красных крестьянина, рассуждавшим о глубинных причинах произвола: в каком случае имело место обыкновенное самоуправство военных, а в каком - реализация стратегического курса в области экономики. Крестьянин рассуждал примерно как в фильме «Чапаев»: «грабят» и белые, и красные. Следовательно, условия Гражданской войны по крайней мере уравнивали шансы на победу противоборствующих сторон.

В такой ситуации подавляющее большинство населения думало, прежде всего, о собственном выживании. По мнению И. В. Нарского «деревня не металась между красными и белыми», а «словно бы угрюмо замыкалась в себе, упрямо пытаясь свести к минимуму пагубное вмешательство и тех, и других». Иначе и быть не могло в условиях разрушения государственных и общественных институтов, лишения деревни самых элементарных плодов материальной цивилизации, произвола военных, архаизации деревенского существования и т. д. [24].

В то же время утверждать, что все социальные группы по всей огромной стране в течение всей гражданской войны относились одинаково враждебно или одинаково равнодушно ко всем противоборствующим группировкам было бы также некорректно. Современные исследователи совершенно справедливо указывают на «неоднородность и непоследовательность социально-политической ориентации населения». Можно согласиться и с такой точкой зрения: «Противоречивые настроения преобладали: верх брали то одни, то другие идеи» [25].

Настроения населения находились в зависимости от сиюминутных факторов. Как мы уже отмечали, в случае ухудшения экономического положения из-за военно-коммунистических эксцессов, антибольшевистские настроения охватывали практически все слои общества. С другой стороны, даже зажиточное крестьянство в период отступления разлагающихся и мародерствующих белых могло сочувствовать большевикам [26].

Как правило, вероятность прихода к власти той или иной политической группировки зависит от обширности ее социальной базы, которая, в свою очередь, обусловлена степенью привлекательности ее программы и организации пропаганды. В конкретно-исторических условиях российской Гражданской войны победа той или иной группировки посредством привлечения на свою сторону большинства населения была невозможна. Однако, эту же мысль можно сформулировать и иначе: для победы и не требовалось заручиться поддержкой большинства населения. Мы разделяем точку зрения С. В. Онегиной, согласно которой исход гражданской войны зависел, главным образом, от того, какая из партий создаст лучшую военно-политическую и репрессивную организацию государственной власти, а не от популярности различных социально-экономических доктрин в массах [27].

При такой постановке вопроса преимущество большевиков заключалось в следующем.

Во-первых, это раздробленность антибольшевистского лагеря, как идеологического характера, так и в плане властных структур. Он объединял трудноресурсимые либеральные и социалистические группировки. Противоречия между ними обострились порой настолько, что на повестку дня ставился (а порой и воплощался в жизнь) вопрос о силовых методах их разрешения.

Напротив, большевистский лагерь был однороден, как в идеологическом, так и во властном отношении. Да, союзниками большевиков были некоторые эсеровские, меньшевистские и анархистские группировки. Однако, несмотря на все разногласия между ними, их сближала общая левосоциалистическая идеология. Кроме того, роль небольшевистских элементов в советских властных структурах была незначительной.

Во-вторых, значительная часть эсеров и меньшевиков не вела последовательной и бескомпромиссной борьбы с большевизмом в то время как последние не испытывали колебаний в борьбе со своими противниками.

Наконец, большевики лучше других партий ориентировались в стихии Гражданской войны благодаря своей двойственной, революционно-этактистской природе. Поэтому именно им удалось создать относительно прочную власть. Мы не будем анализировать «коллективный психологический портрет» большевиков, так как он сформировался задолго до начала войны. Кроме того, истоки большевизма невозможно исследовать вне истории российского радикализма вообще. Для нас важнее другое: больше шансов победить было у радикальных, но хорошо организованных сил, чем у умеренных, но слабо организованных.

Как же большевикам удалось удержать власть? Несмотря на то, что и в первые годы после победы они не обладали сколько-нибудь значительной опорой среди населения, в этот период, как пишет С. В. Яров, «происходило медленное, еще мало заметное, ежедневное, зачастую бессознательное приспособление к новому режиму». В качестве одного из решающих факторов выступило исчезновение открытой оппозиции, что «неминуемо изменяло политическое мышление масс» [28].

Подчеркнем, что большевистские партийно-властные структуры были на высоте лишь в сравне-

нии с их противниками. В качестве доказательства приведем выдержки из типичного для того времени доклада ответственного инструктора Башобкома о состоянии и работе парторганизации Ток-Чуранского кантона с 1 января по 25 февраля 1922 г.: “Связь с местами за отсутствием средств и продовольствия очень плохая. Влияние ячеек на беспартийные массы слабое. Среди красноармейцев ввиду оторванности военкоматов коммунистов нет. Беспартийные конференции не созываются. Рабочих центров нет. Работа среди национальных меньшинств не ведется. Женотдел за неимением дееспособных работниц не существует” [29]. Таким образом, даже революционеры-этактисты преодолевали хаос, охвативший все и вся, с большим трудом. Однако, в силу того, что у большевиков отсутствовала реальная альтернатива, их не вполне впечатляющих успехов на ниве партийно-государственного строительства и еще менее впечатляющих успехов в сфере пропаганды было достаточно для удержания власти.

Нельзя забывать и о том, что победа большевиков была неполной. Они проиграли в области экономики. Без перехода к Нэпу большевики победить не могли никак. Всех их преимуществ было явно недостаточно для проведения экстремистского курса в полном объеме. Так как экономическая составляющая являлась одним из краеугольных камней

большевицкой идеологии, пойти на уступки в этом во-просе было непросто. Однако, сохранение власти бы-ло важнее, ибо оно оставляло надежду на взятие ре-ванша в будущем при благоприятных условиях. Дей-ствительно, позднее, опираясь на сильную государст-венность, большевики взяли реванш в сфере эконо-мики. Со своей точки зрения они сделали правиль-ный выбор. Как прекращение коммунистических экспериментов, так и введение свободы торговли не могло не облегчить повседневную жизнь населения. Для населения, уставшего от военно-политических баталий, запутавшегося в их перипетиях, отказ от экстремизма в экономике был вполне достаточной уступкой.

Итак, взгляд на Гражданскую войну в контексте военно-политического противоборства за верховную власть может многое прояснить. Он приводит к вполне определенным выводам относительно сильных сторон большевиков и слабости их противников. Однако, сопутствующие основному конфликту события и процессы также сыграли крайне важную роль. Исход войны явился следствием сочетания многих факторов: случайных и закономерных, внешнеполитических и внутрirosсийских, связанных с основным конфликтом и периферийных по отношению к нему.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: напр.: Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). Уфа, 2000.
2. См. напр.: Хазиев Р.А. Государственное управление экономикой Урала в 1917-1921 гг.: от централизованного администрирования к “планово-рыночному” хозяйству. Уфа, 2004, его же. Система налогообложения в 1917-1921 годах: от революционных столиц до уральской провинции // Отечественная история. 2005. № 3. С. 95-109.
3. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.
4. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
5. Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918-январь 1919 гг.). Самара, 2003. С. 187.
6. См.: Аргунов А.А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. С. 46-47.
7. См.: Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 9 февраля.
8. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ревель, 1937. Ч. 4. Кн. 8. С. 96-97, 101.
9. Кроль Л. А. За три года власти. Владивосток, 1921. С. 151.
10. ЦГИА РБ. Ф. 334. Оп. 1. Д. 838.
11. Сибирский вестник (Омск). 1918. 10 ноября.
12. См.: Армия и народ (Уфа). 1918. 5 сентября.
13. Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917-1922. М., 1922. С. 5.
14. Наш край (Уфа). 1919. 29 мая.
15. Армия и народ. 1918. 5 сентября.
16. Там же. 7 сентября.
17. Скипина И.В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003. С.85.
18. См.: ЦГИА РБ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 175.
19. Сыгин А. Г.К вопросу о критериях определения и оценки политических режимов, существовавших на территории бывшей Российской империи в 1918 г.// Происхождение и начальный этап гражданской войны: Матер. ме-ждун. науч. конф. М., 1994. Ч. 2. С. 8-10.
20. Правда. 1919. 5 июля.
21. ЦГИА РБ. Ф. 758. Оп. 1. Д. 23. Л. 24-24 об.
22. Великая Россия. 1919. 2 апреля.
23. Там же. 28 марта.
24. Нарский И. В. Указ. соч. С. 262.
25. Скипина И. В. Указ. соч. С. 45, 46, 53.
26. См.: ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.
27. Онегина С.В. Пореволуционные политические движения российской эмиграции в 20-30-е годы. (К истории идеологии) // Отечественная история. № 4. 1998. С. 87..
28. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 31.
29. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 94, Л. 2-2об.

Поступила в редакцию 20.06.05 г.